Положение Латвийской Православной Церкви при архиепископе Иоанне (Поммере)

Статья кандидата исторических наук Киры Аристовой, докторанта Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Архиепископ Иоанн и Томос Святейшего Патриарха Тихона об автономии Латвийской Православной Церкви

В 1921-1934 гг. деятельность архиепископа Иоанна (Поммера) в качестве главы Латвийской Православной Церкви и депутата Сейма стала примером для построения отношений как внутри независимого государства, так и наиболее удачной модели построения взаимоотношений с Московской Патриархией в Балтийском регионе.

К 1920 году прибалтийские государства прекратили вести военные действия с советской Россией. В результате подписания мирных договоров советской Россией были признаны независимые Латвия, Эстония, Литва. Сразу же после ухода немецких войск с территории Латвии в начале мая 1920 года начало работу Учредительное собрание Латвии, которое просуществовало до ноября 1922 года. Оно приняло Конституцию, в соответствии с которой Латвия объявлялась республикой. Принятие конституций прибалтийскими странами ознаменовало собой новый этап в развитии государственности. Особое внимание в основных законах Латвии, Литвы и Эстонии уделялось государственному суверенитету этих республик.

Основой складывания канонических структур в лимитрофных государствах стали решения Святейшего Патриарха Тихона как главы автокефальной Церкви о предоставлении широкой автономии Церквам Эстонии (1920 г.), Финляндии (1921 г.) и Латвии (1921 г.).

Однако, несмотря на одинаковые правовые исходные позиции, в межвоенные годы независимости прибалтийских республик каноничный статус широкой автономии практически весь период смогла сохранить только Латвийская Православная Церковь, это обусловлено дальновидной и независимой позицией ее главы архиепископа Иоанна (Поммера), сумевшего удержать управление православными приходами Латвии вплоть до своей трагической гибели от

рук неизвестных в октябре 1934 года.

Для архиепископа Иоанна был очевиден факт, что прямое административное подчинение Московской Патриархии сделает практически невозможной государственную легитимацию Латвийской Церкви. Потому Святейшим Патриархом Тихоном 19 июля 1921 года, непосредственно перед отъездом в Латвию архиепископа Иоанна, был дан Томос №1026 об автономии Латвийской Православной Церкви – как залог будущей успешной церковной политики: «Преосвященному Иоанну, Архиепископу Рижскому и Митавскому. По благословению Святейшего Патриарха, Святейший Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии имели суждение о даровании православной церкви в Латвии самостоятельности в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских. Постановлено: принимая во внимание, что православная церковь в Латвии находится в пределах самостоятельного государства, предоставить названной церкви пользоваться самостоятельностью во всех делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских, о чем уведомить Ваше Преосвященство, поручив Вам в отношении календаря давать по своему усмотрению разрешение пользоваться и новым стилем. 6/19 июля 1921 года. №1026»[1].

Этот акт сыграл ключевую роль в судьбе Латвийской Православной Церкви. Архиепископ Иоанн, умело используя и интерпретируя его, сумел предотвратить разрыв канонических уз с Московской Патриархией вплоть до своей кончины. Православные Церкви Польши, Финляндии и Эстонии не смогли этого сделать и под нажимом правительств ушли в юрисдикцию Константинополя.

Архивные данные свидетельствуют, что на протяжении 1921-1922 годов при участии МИД Латвии, Эстонии, Финляндии и Литвы велась подготовка к конференции в Финляндии, целью которой был выход православных Церквей из юрисдикции Московской Патриархии и провозглашение прибалтийской автокефальной Церкви.

На протяжении октября 1921 – ноября 1922 года в адрес Синода Латвийской Церкви поступали многочисленные письма от главы Эстонской Православной Церкви архиепископа Александра (Паулуса) с приглашением на конференцию с участием Латвии, Эстонии и Финляндии в целях более тесного сближения церквей. Однако Синод Латвийской Православной Церкви и архиепископ Иоанн дипломатично, но твердо отказались участвовать в данной конференции. По причине отказа конференция несколько раз откладывалась на более поздний срок, но согласия от непреклонного архиепископа Иоанна так и не добились. Последнее, ноябрьское письмо осталось без ответа Синода Латвийской Церкви.

Дальнейшие стремительно разворачивающиеся события в связи с нарастающими

автокефалистскими настроениями правительств стран Балтии и экспансионистской политикой пришедшего к власти в 1922 году Вселенского Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) показали истинные цели этих конференций и твердую позицию по данному вопросу главы Латвийской Православной Церкви.

Не добившись от архиепископа Иоанна согласия на участие в создании балтийского блока, МИД Финляндии и Эстонии уже весной-летом 1922 года начали подготовку к взаимодействию с Константинопольской Патриархией. Так, весной 1922 года Патриарх Мелетий IV обратился к главе Финляндской Православной Церкви архиепископу Серафиму (Лукьянову) с предложением рукоположить вдового протоиерея модернистской направленности Германа Аава в викарные епископы и принять автокефалию от Константинопольского Патриархата, на что архиепископ Серафим ответил отказом. Тем не менее Герман Аав под давлением финских властей 8 июля без предварительного монашеского пострига был хиротонисан в Константинополе Патриархом Мелетием во епископа Сортавальского. 6 июня 1923 года Финляндская Православная Церковь в нарушение канонов была принята в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, при этом ей предоставили не автокефалию, а автономию, хотя Церковь уже пользовалась ею с 11 февраля 1921 года согласно Томосу Святейшего Патриарха Тихона.

Финляндскому представителю МИД Э.Сетяля, используя дипломатические связи в Швеции, удалось повлиять на турецкое правительство, чтобы отложить изгнание Патриарха Мелетия, назначенное на 3 июля, ради «решения вопроса» об устройстве Финляндской и Эстонской Церквей[2]. 7 июля 1922 года патриарх Мелетий вручил в Константинополе архиепископу Таллинскому и Эстонскому Александру (Паулусу) Томос о принятии Православной Церкви в Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в качестве отдельного автономного церковного округа. Московская Патриархия не признала каноническими эти переходы. Фактически произошло изъятие двух частей Российской Церкви, прикрытое следующей незаконной формулировкой: «…вследствие сложившихся здесь новых политических условий, а также в результате того, что из-за возникших в России церковных нестроений… <мы> постановили удовлетворить просьбу православной церкви Эстонии и утвердить испрошенный ею церковный статус, а также ввести в нее церковный порядок согласно установившейся канонической практике, учитывая при этом невозможность установления надлежащего церковного устроения в Эстонии со стороны Святой Церкви России» [3]. В отношении Финляндской Церкви Томос включал такие же формулировки. В результате данных незаконных действий власти Финляндии сместили архиепископа Серафима (Лукьянова) и сослали его в Коневецкий монастырь.

Однако, несмотря на смену юрисдикции, противоречия между русскими и эстонскими, русскими и финскими приходами не только не прекратились, но и усилились в последующие годы. Конфликты лишали Церковь стабильности, расширяли зазор между этническими группами, делая примирение

все более трудным на долгие годы.

И лишь священномученику Иоанну (Поммеру) удалось избежать противостояния русской и латышской паствы и в то же время сохранить духовную связь с Московской Патриархией на правах широкой автономии благодаря блестящей дипломатии и Томосу Святейшего Патриарха Тихона от 19 июля 1921 года.

Из переписки архиепископа Иоанна с протоиереем Евстафием Калисским, настоятелем Каунасского кафедрального собора, обозначается четкая позиция главы Латвийской Православной Церкви к автокефалистским устремлениям Эстонии, Финляндии, Польши и др.: «Вопрос о правильно проведенной канонической церковной автокефалии настолько сложен, что проведение его с соблюдением требований церковных законов в настоящее смутное и путаное время едва ли возможно, автокефалия же, проведенная явочным порядком, путем политических давлений без соблюдения соответствующих канонов, не есть автокефалия, а один из видов раскола – схизмы. Некоторые из наших соседей пытались «прокламировать» и «декларировать» явочную автокефалию, и дело их приняло оборот крайне прискорбный и в отношении внутренней жизни Церкви (не все свои же сопастыри и пасомые признали явочную автокефалию и стали решительно против нее), и в отношении к соседним автономным и автокефальным церквам (антиканонической автокефалии никто не признал каноническою). Политические вдохновители автокефалистов, видя их канонические неудачи, ныне омывают руки и твердят, что они в этом деле ни при чем. Что выйдет из этого дела, ведает Господь, а пока из него вышла позорная, прискорбная смута в православной среде на радость врагам православия»[4].

Отношение архиепископа Иоанна (Поммера) к обновленческому расколу в контексте политики Константинопольской Патриархии

Проницательно усмотрев в выходе ряда Церквей из Московской Патриархии действие врагов православия по расколу Церкви, архиепископ Иоанн сформировал не менее твердую позицию относительно обновленческого раскола в СССР и роли в этом процессе Фанара. Касательно самого обновленчества у рижского архиепископа иммунитет был выработан еще при борьбе с «путятинской смутой» в Пензе, на рижской кафедре ему пришлось непосредственно бороться с лжеепископом Николаем Соловьем. Жесткая позиция его была четко обозначена неоднократно публично на страницах печати в газетах «Сегодня» и «Слово», церковном журнале «Вера и жизнь»[5].

Относительно участия Константинопольской Патриархии в этом вопросе архиепископ Иоанн был

подробно проинформирован письмами, регулярно шедшими через него из Западной Европы к Святейшему Патриарху Тихону и лично ему. Самым ярким является письмо управляющего западноевропейскими приходами Митрополита Евлогия (Георгиевского) от 8 июня 1924 года.

«Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима[6]. Подкладка такая: Патриархию выпирают из Конст[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей. Маклером в этом деле является Евдоким, который хочет привлечь Конст[антинополь]скую Ц[ерковь] для борьбы с П[атриархом] Тихоном… Теперь нам стало известным, что в Москву направляется митрополит Фиатирский Герман, управляющий греческими приходами в Зап[адной] Европе, для того, чтобы воздействовать на П[атриарха] Тихона. В этой миссии м[итрополита] Германа ему, конечно, всячески будут содействовать советские власти и Евдоким, который уже ухитрился войти в контакт и привлечь на свою сторону Конст[антинопольского] Патриарха. Не исключается даже возможность, что Конст[антинопольский] Патриарх объявит П[атриарха] Тихона низложенным, чтобы подчинить своему влиянию всю Русскую Церковь, как это было до XIV в[ека]. На языке лукавых греков это называется «помочь» бедствующей Русской Церкви, а на нашем – это та же своего рода погоня за русскими концессиями, какой охвачены теперь все желающие делить шкуру русского медведя… Вы видите, какие папистические замыслы теперь зреют в Царьграде: там хотят подчинить себе Русскую Церковь, пользуясь нашим безвремением. Лакей Евдоким, лишь бы найти где себе опору, на все соглашается».

Далее митрополит Евлогий обращался к архиепископу Иоанну с просьбой: «Найдите какой-либо способ, чтобы предупредить П[атриарха] Тихона об этих замыслах греков, угрожающих большою опасностию для нашей Церкви, желающих внести в нее новую смуту и подкапывающихся под нашего Патриарха. Надеюсь, что народ наш не пойдет за этими лукавыми и льстивыми греками, особенно если они свяжутся с Евдокимом, но нажим на Патриарха будет огромный, и его необходимо предупредить, чтобы эти господа не вырвали у него обманом или насилием какого-либо нежелательного и неполезного для Церкви акта. За документальную достоверность всего здесь написанного я ручаюсь. Идет [определенный ход?] Конст[антинополь]ского Патриарха поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют – первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний – чтобы там найти себе опору»[7].

Итак, как видно из дальнейшей истории Латвийской Православной Церкви, архиепископ Иоанн не пошел «за лукавыми греками», а до конца остался верен Святейшему Патриарху Тихону, крепко держась за его дарованный Томос №1026 от 6/19 июля 1921 года.

Латвийское государство было вынуждено уважать твердого архиепископа, потому что знало, что за его спиной стояли более 160 тыс. православных Латвии. Данный акт упрочил позиции Латвийкой Церкви на международной арене.

«Самостоятельность наша зафиксирована в весьма решительной форме»: архиепископ Иоанн и Декларация о лояльном отношении к советской власти 1927 года

Положение Латвийской Православной Церкви с правами широкой автономии до смерти Святейшего Патриарха Тихона не подвергалось сомнению. Однако с изменением курса во взаимоотношениях Церкви и СССР после его кончины произошло изменение церковной политики по отношению к зарубежью. Речь идет прежде всего об издании Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского) и Временного при нем Синода, вызвавшей углубление и расширение возникших после революции расколов в Русской Православной Церкви. В тексте послания содержалось требование к заграничному русскому духовенству дать подписку о лояльном отношении к советской власти.

Тот же Томос помог архиепископу Иоанну отстоять независимость Латвийкой Церкви от требования лояльности к Декларации Митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 году. Вскоре после опубликования Декларации Митрополит Сергий обращается с письмом (от 14 сентября 1927 г. №402) к архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну. Целью письма было выяснить отношение архиепископа Иоанна к созданному в России церковному управлению, а также и к тексту Декларации: «Долг имею просить Ваше Высокопреосвященство осведомить меня как о положении Православной Церкви в Вашей стране, об организации у Вас церковного управления, так, в частности, и о том, в каких канонических отношениях к Московской Патриархии признаете Вы состоящей возглавляемую Вами часть Церковного Тела»[8].

Ответ архиепископа Иоанна дипломатичен, но вместе с тем достаточно определенен и тверд. Признавая возможную целесообразность политики Митрополита Сергия для Православной Церкви в России, глава Латвийской Церкви в категорической форме отказался дать подписку о лояльном отношении к советской власти, мотивируя это тем, что и он сам, и основная часть его паствы являлись подданными независимого от советской России государства, имевшими гражданские обязательства перед своей страной. Что же касается отношений с Московской Патриархией – не отрицая свою связь с ней, архиепископ Иоанн в то же время настаивал на правах, определявшихся широкой автономией, которая была получена Латвийской Православной Церковью от Патриарха Тихона.

«Еще в дни Святейшего Патриарха Тихона республики, образовавшиеся из окраинных областей б[ывшего] государства Российского, стали домогаться оформления самостоятельности тех частей Православной Церкви, которые вошли в границы новообразовавшихся республик по принципу: в самостоятельном государстве и Церковь должна быть самостоятельна. Молодым суверенным республикам церковная зависимость части их граждан от церковной власти, находящейся в гражданском подчинении у Москвы, казалась противоречащей понятию полной суверенности молодых республик и грозящей неблагоприятными политическими возможностями, хотя [не было] двух таких политического порядка требований, какие ныне имеют место по отношению к иерархам и чадам Российской Православной Церкви в Обращении вр[еменного] Патриаршего Синода. Некоторые республики за оформлением самостоятельности расположенных в их пределах частей Вселенской Православной Церкви обратились к Вселенскому Патриарху. Мы почли канонически более правильным обратиться по сему острому и болезненному вопросу к главе той Церкви, от которой наши православные состояли в канонической зависимости.

6 (19) июля 1921 года с благословения Святейшего Патриарха Тихона в Москве на Троицком Подворье на соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета было вынесено нарочитое постановление о предоставлении Латвийской Православной Церкви как Церкви, расположенной в пределах самостоятельного государства, предусмотренной в канонах самостоятельности. Мне как главе этой Церкви тогда же был вручен соответствующий документ. По предъявлении мною сего документа сопастырям, представителям клира и мирян, а также предержащим властям Латвии, данные документа были признаны удовлетворительными и пока не требующими обращения, по примеру наших соседей, ко Вселенскому Патриарху. До сего времени поводов для изменения такого нашего взгляда на дело не было и церковная наша жизнь в новом положении и условиях протекала и протекает хотя в тяжелых внешних условиях, но внутренне нерушимо мирно. Самостоятельность наша зафиксирована в весьма решительной форме в гражданском законе о положении Православной Церкви в Латвийской Республике. По отношению к иерархии и чадам Российской Православной Церкви мы всегда питали и питаем чувства глубочайшей любви и почтения»[9].

Как свидетельствуют последующие события, данные в письме архиепископа Иоанна разъяснения Митрополитом Сергием, очевидно, были приняты. Во всяком случае, ни наложенных прещений, ни исключения архиепископа Иоанна из московской юрисдикции в дальнейшем не последовало, несмотря даже на его недвусмысленные антисоветские выступления как с амвона, так и с трибуны латвийского Сейма. Включая речь, произнесенную им 6 ноября 1927 года перед всенародной панихидой по жертвам большевизма (в связи с десятилетием большевистского переворота), вызвавшую ноту протеста советского полпредства, а также ответную речь архиепископа по поводу этой ноты на заседании Сейма 29 ноября 1927 года[10].

Это была последняя переписка Митрополита Сергия (Страгородского) и архиепископа Иоанна (Поммера): более в архиве архиепископа Иоанна писем между ними не найдено, как не найдено и писем зарубежных иерархов в советскую Россию через Ригу. Фактически контакты с Московской Патриархией у Латвийской Православной Церкви были прерваны.

«Этим актом навсегда закреплены в наших сердцах отношения к Патриарху как подлинному отцу верующих, а к Патриархии как самоотверженно любящей матери». Верность до конца

Однако, несмотря на вынужденно прерванные контакты с Москвой, архиепископ Иоанн вплоть до своей мученической кончины в 1934 году не переставал считать Латвийскую Церковь частью Московской Патриархии, что подтверждается четкой позицией, изложенной в переписке с архиепископом Елевферием (Богоявленским) в ноябре 1927 года. На вопрос архиепископа Елевферия о мере канонической самостоятельности Латвийской Православной Церкви («Разве у Вас каноническая независимость и самостоятельность? Ведь это же есть то, что принято называть автокефалией. А автокефалии, как Вы и сами говорили, у Вас нет, да и не может быть, ибо ее не мог дать ни лично Патриарх наш, ни с своим Синодом. Это дело — всей Церкви, т<о> е<сть> Собора»[11]), архиепископ Иоанн излагает аргументированную, канонически выверенную позицию: « Смутившая Вас формула о положении Пр<авославной> Церкви в Латвии принадлежит не мне, а взята из документа, выданного мне как главе Л<атвийской> Пр<авославной> Церкви П<атриархом> Тихоном и состоявшими при нем органами — Синодом и В<ысшим> Ц<ерковным> Советом. Выдавая мне означенный документ, П<атриарх> Тихон, его Синод и В<ысший> Ц<ерковный> Совет сочли нужным подвести под него и канонический и исторический фундамент и, конечно, исходили из сознания, что им принадлежит право выдачи мне такового документа и что выдача такого документа является при наличных обстоятельствах делом безусловно полезным для Церкви и необходимым. Так как в обсуждении дела принимали участие виднейшие иерархи и канонисты, то нужно иметь большое мужество, чтобы сказать, что документ выдан канонически неправильно. Так как документ выдан возглавлением Российской Церкви вполне добровольно, так как нет решительно никаких оснований обвинять П<атриарха> Тихона и его сотрудников в недостатке любви к Церкви Российской или в недостатке преданности их ее подлинным интересам, то нет оснований подозревать их в легкомысленном отношении к правам и интересам Церкви Российской. Ни ближние ни дальние доселе не имели и не имеют решительно никаких фактических поводов упрекать П<атриарха> Тихона и его сотрудников за оказанное мне и возглавляемой мною Церкви высокое доверие и меня доселе никто не имел решительно никаких поводов упрекать или подозревать в злоупотреблении оказанным мне доверием. Я пользуюсь предоставленными мне правами, щепетильно держась точного смысла формул выданного мне

документа, не допуская никаких домыслов хотя бы даже в словесной формулировке моего канонического положения…Акт П<атриарха> Тихона и его сотрудников обеспечил для Л<атвийской> Пр<авославной> Церкви возможность мирно осуществлять на месте высокие задания Пр<авославной> Церкви независимо от того мирно ли не мирно ли течет церковная жизнь вне Латвии…

П<атриарх> Тихон и его органы нашли канонически возможным, а практически целесообразным по руководству 17 пр<авила> IV Вс<еленского> Соб<ора>, 38 пр<авила> VI Вс<еленского> Соб<ора> и др<угих> предоставить частям М<осковского> Патриархата, отрезанным от Москвы новыми государственными границами, вошедшим в пределы нового суверенного государства, узаконенную меру самостоятельности в делах церковно-административных, церковно-хозяйственных, церковно-государственных и др<угих>. Я получил от П<атриарха> Тихона и его органов соответствующий акт в качестве главы Латв<ийской> Церкви и должен засвидетельствовать, что этот акт, нисколько не умаливший достоинства М<осковского> Патриархата, для меня и возглавляемой мною Церкви имел и имеет несказанно большое и исключительно доброе значение. В связи с последним обращением вр<еменного> Патр<иаршего> Синода целесообразность такого акта обнаружилась особенно ярко. Этим актом я и возглавляемая мною Церковь раз навсегда ограждены от возможности для большевиков простирать на меня и мою Церковь действие давлений, оказываемых на московские церковные органы. В случае моей смерти или выбытия с поста по др<угим> причинам Латв<ийская> Пр<авославная> Церковь будет иметь полную возможность заместить пост архипастыря в каноническом порядке и вне большевистских давлений или др<угих> каких-нибудь давлений и вне конфликтов с предержащею у нас властью. Ни мне ни моим пасомым не могут быть предъявлены со стороны требования, противоречащие нашей верноподданнической присяге. Я исчислил далеко не все блага, принесенные нам актом П<атриарха> Тихона и его органов, но и исчисленные блага дают уже право <назвать> закономерный акт Патриарха и мудро предусмотрительным и истинно отеческим. Само собою понятно, что этим актом навсегда закреплены в наших сердцах отношения к Патриарху как подлинному отцу верующих, а к Патриархии как самоотверженно любящей матери» [12].

Таким образом, широкую автономию, дарованную Святейшим Патриархом Тихоном в 1920-х годах, архиепископ Иоанн (Поммер) считал лучшей формой канонического устройства в условиях существования независимых лимитрофных государств. Реализация подобной модели стала возможной благодаря его харизме лишь в Латвийской Православной Церкви. Ввиду прочного положения на международной арене Латвийская Церковь добилась признания государством. Следующий последовательный шаг архиепископа Иоанна – это прочное вхождение в политику в качестве депутата трех сеймов, создание блока православных русских и латышей на основе православия, формирование солидарного общества в силу единства духовных целей.

И наконец, 8 октября 1926 года Кабинет министров Латвии принял «Правила о положении Православной церкви», Латвийская Православная Церковь подтвердила статус юридического лица и гарантии предоставления регулярных государственных субсидий. Было восстановлено духовное образование: открыта семинария, создан печатный орган – журнал «Вера и жизнь».

Государственный переворот, осуществленный Карлисом Улманисом в ночь с 15 на 16 мая 1934 года, разрушил хрупкую латвийскую демократию. В стране было приостановлено действие Конституции, распущены Сейм и все политические партии, введено чрезвычайное положение, отмененное лишь в 1938 году.

На пути формирования националистического государства стоял глава Латвийской Православной Церкви, имевший за плечами поддержку Московской Патриархии и многотысячной наднациональной православной паствы. В ночь с 11 на 12 октября 1934 года архиепископ Иоанн (Поммер) принял мученическую смерть, он был убит на своей даче на окраине Риги. Убийство так и не было раскрыто. Смерть архиепископа Иоанна повлекла серьезные осложнения для Латвийской Церкви. Тотчас в 1935 году под давлением националистических властей она вышла из юрисдикции Московской Патриархии и с каноническими нарушениями перешла в подчинение Константинополя. 17 июля 2001 года архиепископ Иоанн (Поммер) Архиерейским Собором Русской Православной Церкви был причислен к Собору Новомучеников и Исповедников Российских от Латвийской Православной Церкви. Чуть позднее, 3-4 октября 2003 года, состоялось обретение и перенесение мощей священномученика Иоанна с Покровского кладбища в Рижский собор Рождества Христова, где они в настоящее время и пребывают.

Священномученик Иоанн (Поммер) смог реализовать идеальную модель взаимоотношений Московской Патриархии и церковных структур лимитрофных государств, которую заложил Святейший Патриарх Тихон в 1920-х годах: широкая автономия с сохранением канонической связи с Московской Патриархией. Данная модель взаимоотношений на практике оказалась жизнеспособной в условиях принятия Декларации Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского).

Благодаря твердой позиции архиепископа Иоанна (Поммера), не были реализованы планы по созданию прибалтийской Церкви как фактора общей геополитики региона. В то же время Латвийская Православная Церковь вплоть до его мученической кончины сохранила независимость от константинопольской церковной политики и свой канонический статус, благодаря чему не считалась выбывшей из канонического подчинения Московской Патриархии вплоть до 1935 года.

_____

[1] *ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. Д. 41. Л. 27-28.*

[2] Утренняя заря. 1938. №12. С. 102.

[3] Римештад С. Меняя юрисдикции: православные церкви Балтийского региона между Москвой и Константинополем // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование (1840-е – 1930-е гг.) / Под. ред. И.Пярт. Тарту, 2018. С. 330.

[4]Там же. С. 378.

[5] См. подробнее: Обращение к пастве по поводу судилища над Патриархом Тихоном // Вера и жизнь. 1923. Май; Будет ли в советской России Патриарх // Вера и жизнь. 1926. №3; Обновленчество о себе // Вера и жизнь. 1927. №5.

[6] Евдоким (Мещерский Василий Иванович), бывший архиепископ Нижегородский, один из руководителей ***обновленчества****.*

[7] История в письмах: Из архива священномученика Рижского Иоанна (Поммера): в 2 т. / Подгот. изд., предисл. и коммент. Ю.Л.Сидякова. Тверь, 2015. Т. 2. С. 23-25.

[8] Там же. С. 461.

[9] Там же. С. 462-464.

[10] Там же. С. 459.

[11]Там же. С. 357.

[12]Там же. Т. 1. С. 360-363.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/90888/